

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В НАРОДНОДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ БОЛГАРИИ (1944—1953)

Для болгарской медиевистики византиноведение имеет исключительно важное значение. В течение почти восьмисот лет, с VII в. и вплоть до турецкого завоевания, Византия была непосредственным соседом Болгарии, и византино-болгарские отношения — экономические, политические и культурные — сыграли крупную роль в общем развитии как той, так и другой страны. Не удивительно поэтому, что изучение истории Византии началось в болгарской историографии параллельно с серьезным исследованием средневековой истории самой Болгарии. „Отец болгарской медиевистики“ Марин Дринов (1838—1906) был вместе с тем и первым болгарским византинистом. Византиноведческим студиям немало внимания уделяли и все последующие историки средневековой Болгарии.

Византино-болгарские отношения и их значение в общей истории балканских стран привлекали внимание и основоположника марксистской историографии в Болгарии, одного из организаторов Болгарской Коммунистической партии Димитрия Благоева (1855—1924). Интересные наблюдения в этой области имеются во всех его трудах, посвященных разработке марксистской концепции исторического развития Болгарии.¹ Однако условия, в которых приходилось работать марксистам в капиталистической Болгарии, помешали тогда дальнейшему развитию болгарского марксистского византиноведения.

Из византиноведческих работ буржуазных болгарских ученых многие, несомненно, представляли в свое время выдающийся научный интерес, а некоторые из них не полностью еще утратили свое значение и в наши дни. Особенно это надо сказать о работах, написанных в последние десятилетия XIX в., когда общественный подъем, порожденный героической борьбой за национальное освобождение и успехами этой борьбы, достигнутыми при активной помощи братского русского народа, обусловили значительное влияние в болгарской историографии русской исторической школы византиноведения, наиболее прогрессивной тогда в буржуазной исторической науке. В трудах М. Дринова, в ранних работах В. Златарского (1866—1935) и у других болгарских историков, получивших научную подготовку в России, нашли свое отражение не только особенности методики исследования источников, столь блестяще разра-

¹ См. статьи Д. Благоева: Из миналого на българския народ. Ново време, год. 1, 1897 и сл.; его же: Принос към историята на социализма в България. София, 1906 (и другие издания), гл. I, §§ 1—2.

ботанной тогда русскими учеными,¹ но и многие передовые в то время концепции и методологические принципы русского византиноведения. Весьма плодотворным, например, для всей болгарской медиевистики этого периода было то, что ее представители так же как В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский решительно отвергли „европо-, или вернее, — западноевропоцентризм“ немецкой националистической историографии („ультранемецкой исторической школы“ по терминологии М. Дринова)² и широко применяли сравнительно-исторический метод. Это дало им, в частности, возможность значительно точнее, чем это делалось в произведениях западноевропейских историков, показать место балканских стран в общей истории средневековой Европы.³ С успехом разрабатывали тогда болгарские историки и вопрос — тоже впервые поставленный русскими учеными (Т. Н. Грановским, В. Г. Васильевским, Ф. И. Успенским, Н. А. Скабалоничем и др.) — о роли славян в жизни Византийской империи.⁴

Болгарские историки этого периода поддерживали оживленные связи и с прогрессивными буржуазными учеными других славянских стран.⁵

На этом уровне, однако, болгарское буржуазное византиноведение удержалось сравнительно недолго. Кризис буржуазной исторической науки, порожденный обострением в период империализма всех основных противоречий капиталистического строя, уже на рубеже XX в. начал сказываться и в Болгарии. К тому же в связи с интенсивно происходившим как раз в это время проникновением в Болгарию западноевропейских, в первую очередь германских, монополий болгарская официальная наука стала все больше ориентироваться на Запад.

Поэтому даже в таких произведениях болгарских византинистов начала XX в., в которых еще использовались лучшие работы В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского и других русских ученых, методология и методика исследования начинали „модернизироваться“ в духе новейших западноевропейских образцов. Примером может служить статья „Сельского землевладение в Византии“⁶ — первая византиноведческая работа ученика В. Златарского Петра Мутафчиева (1883—1943), в дальнейшем одного из сторонников великоболгарского шовинизма в болгарской медиевистике. Это — как бы развернутая рецензия на книгу Б. А. Панченко „Крестьянская собственность в Византии“, отрицавшую в угоду новым политическим требованиям русской буржуазии суще-

¹ См., например: М. Дринов. О трудах Димитрия Хоматиана. Виз. вр., тт. I—II, СПб., 1894—1895; он же. Отзыв на работу Ф. И. Успенского „Образование второго болгарского царства“. Записки Академии Наук, т. 39, СПб., 1880; В. Златарски. Писмата на цариград. патр. Николая Мистика до бълг. царь Симеона. Сборник за народни умотворение и книжника, кн. 10—12, 1894—1895; он же. Писмата на виз. имп. Романа Лакапина до бълг. царь Симеона. Там же, кн. 13, 1896; Г. Баласчев. Новые данные для истории греко-болгарских войн при Симеоне. ИРАИК, т. IV, 1899; и др.

² М. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами. М., 1873, стр. 60.

³ См., например: М. Дринов. Южные славяне и Византия в X в. М., 1876; В. Златарски. Главни периоды на българска история. Български преглед, III, 1896, кн. 2; и др.

⁴ См., например: М. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами. М., 1873; ср.: В. Златарски. Студии по бълг. история. София, 1903; и др.

⁵ Например большим влиянием среди балканских историков пользовался известный чешский славист и византинист Константин Иречек, несколько лет (с 1879 по 1884 г.) принимавший непосредственное участие в руководстве народным просвещением в только что освобожденной от турецкого господства Болгарии.

⁶ Сборник за народни умотворение, наука и книжнина, кн. XXV, София, 1909, стр. 1—72.

ствование в византийской деревне общинной собственности. С выводами Панченко Мутафчиев не согласен, но, опровергая их, он, как это совершенно правильно отметил еще П. Безобразов, сам соскальзывает на почву того же самого „юридического мышления“, на которую опирался и Панченко. Подобно Панченко, и Мутафчиев строил свои выводы уже не на тщательном анализе всей совокупности источников, как это делали Васильевский и Успенский, а на одном-двух произвольно вырванных документах.¹

Работой, тоже очень типичной для периода начала упадка болгарского буржуазного византиноведения, является и напечатанная в первом томе „Известия на Българското археологическо дружество“ (София, 1910), рецензия Иордана Иванова (1872—1947) на исследование Ф. И. Успенского „Вновь открытые мозаики в церкви св. Дмитрия в Солуни“.² В начале рецензии, сопоставляя труд Успенского со статьей на эту же тему П. Папагеоргиу в XVII томе „Byzantinische Zeitschrift“ (1908), автор как бы полностью солидаризируется с концепцией русского византиниста,³ считавшего — и совершенно справедливо, — что из всех племен и народов, вторгавшихся в VI—VIII вв. на Балканский полуостров, наиболее важную роль сыграли славяне. Но уже на следующей странице рецензент утверждает, что свою организованность и силу славяне якобы получили от протоболгар.⁴

Даже такие видные ученые, как например В. Златарский, которые еще недавно признавали, — конечно, с позиций позитивизма, — известную роль в общественном развитии за экономическим „фактором“, теперь, в условиях дальнейшего углубления кризиса буржуазной историографии, начинают все определеннее выдвигать в качестве первопричины важнейших исторических событий такие категории, как „темперамент“, и „характер“ различных народов и провиденциальную предопределенность их „национальных задач“.⁵ Распространению подобного типа исторических „концепций“ немало содействовала и националистическая пропаганда, организованная правительством царя Фердинанда I в период 2-й Балканской войны (1913 г.) и после ее неудачи.

Следует отметить, что именно с этого времени в болгарской историографии явно намечается тенденция к пересмотру вопроса о влиянии „византизма“ на жизнь средневековой Болгарии. „Византизм“ как один из истоков болгарской культуры мало импонировал прогерманскому курсу правящих кругов Болгарии, поскольку — по широко распространенным тогда представлениям — именно на основе „византизма“ и возникли будто бы болгаро-русские культурные связи. Вместо „византизма“ официальная историография начинает усиленно идеализировать протоболгар, якобы создавших „новый культурно-исторический тип в юго-восточной Европе“.⁶

¹ См. рецензию Безобразова на эту статью Мутафчиева: Виз. вр., т. XVII, 1911, стр. 336—346.

² ИРАИК, т. 14, вып. 1, 1909.

³ Известия на Бълг. археол. друж., т. I, 1910, стр. 233.

⁴ Там же, стр. 234. Ср. посвященную тому же исследованию Ф. И. Успенского статью Н. Милева: Кубрат от историята и Кубер в Чудесата на св. Дмитрия Солунски. Периодическо списание на Бълг. книж. друж., кн. 71, 1910 г.

⁵ См., например: В. Н. З л а т а р с к и. Гръцко-български съюз през 1204—1205 г. Годишник на Софийск. унив., Ист.-филол. фак., VIII—IX, 1912—1913 гг., София, 1914, особенно стр. 4 сл.

⁶ См., например: В. З л а т а р с к и. История на българите от появата им в Европе до основаването на бълг. царство на Балканския полуостров. Годишник на Софийск. унив., X, 1914/1915 гг.

Все большую популярность начинает приобретать эволюционизм — отрицание всяких „переворотов и поворотов“ в истории, — отражавший страх буржуазии перед неизбежными революционными потрясениями. Не случайно работы одного из представителей этого направления в византиноведении — английского историка Дж. Бьюри (J. Bury) пользовались тогда в Болгарии особым распространением. Его статьи переводились и перепечатывались иногда целыми сериями.¹

Общий кризис буржуазной исторической науки не мог не отразиться и на состоянии болгарской археологии. И это было тем более печально, что именно в первые годы XX в. в Болгарии по инициативе, а в значительной мере и под непосредственным руководством Русского археологического института в Константинополе намечались были „новые веяния“ в области археологических исследований: вместо одностороннего увлечения античностью, начиналось изучение и средневековых памятников, обещавшее дать обильный материал и для византиноведения.² В действительности, однако, эти „новые веяния“ свелись к коллекционированию только произведений искусства, при игнорировании других памятников материальной культуры средневекового общества.³

Для того времени весьма показательна работа К. Стоянова „Ориентализацията на Византия и нейното отражение у южните славяни“, доложенная в Болгарской Академии наук 10 декабря 1918 г. и признанная ею достойной опубликования в академическом органе.⁴ Работа эта — набор вырванных из контекста фактов и цитат, подобранных для обоснования таких тезисов: 1) суть истории — борьба различных типов мировоззрения⁵ и 2) Византия всегда играла исключительно отрицательную роль в развитии юго-восточной и восточной Европы.⁶ Уровень работы достаточно характеризуется хотя бы тем, что, обходя молчанием все действительно интересное и ценное, созданное русским буржуазным византиноведением, Стоянов превозносит статью известного русского философа-идеалиста Вл. Соловьева „Византизм и Россия“,⁷ абсолютно лишённую какого бы то ни было отношения к истории Византии.

Следует отметить, что именно в эти годы в научных кругах Болгарии начал быстро выдвигаться Богдан Филов (р. 1883 г.), в дальнейшем один из руководителей наиболее реакционного направления в болгарской историографии.⁸ В 1920 г. он стал профессором Софийского университета, а затем и директором только что созданного Болгарского археологического института. Искусствовед по специальности, Филов был горячим поклонником и пропагандистом взглядов венского профессора И. Стржиговского, отрицавшего творческие спо-

¹ См., например: Известия на Бълг. историч. друж., т. IV, 1915.

² Ф. И. Шмит. Новые веяния в археологической науке на Балканском полуострове. ЖМНП, 1911, № 7. См. также его доклад о задачах болгарской археологии в LXX книге (1909) „Периодического списания“. Ср.: Покровский. 50 лет болгарской археологии. Seminarium Kondakovianum, т. IV, 1931.

³ См. издания Болгарского археологического дружества, затем (с 1920 г.) — Болгарского археологического института, а также Софийского и других музеев.

⁴ См.: Списание на Бълг. Акад. на науките, кн. XX, Клон истор.-филол., София, 1921.

⁵ Списание на Бълг. Акад. на науките, кн. XX, стр. 196 сл.

⁶ Там же, стр. 238.

⁷ Вестник Европы, 1896 г., кн. 1.

⁸ В 1940 г. Филов возглавил болгарское правительство, официально оформившее (договором от 1 марта 1941 г.) превращение Болгарии в сателлита фашистской Германии. В 1945 г. по приговору Народного суда казнен вместе с другими предателями болгарского народа.

собности славян в области искусства и утверждавшего, что все древнеславянское искусство якобы заимствовано славянами от ближневосточных народов. За И. Стржиговским следовал Филов и в вопросах, связанных с происхождением и характером византийского искусства, отбрасывая все действительно ценное, что было создано в этой области такими выдающимися русскими исследователями, как В. В. Стасов, Н. П. Кондаков, Е. К. Редин, Д. В. Айналов, Ф. И. Шмит и др.¹

Часть болгарских буржуазных историков уходит в „фактографию“. Виднейшим представителем этого направления был Петр Ников (1884—1938), крупный специалист по источниковедению периода Второго Болгарского царства, с начала 20-х годов читавший в Софийском университете курс по истории Византии и принимавший активное участие в международных византиноведческих конгрессах.²

Отказ от обобщений отчетливо чувствуется и в самом крупном произведении болгарской буржуазной медиевистики — в „Истории болгарского государства в средние века“ В. Златарского,³ особенно в части, касающейся истории Византии.

Еще более интенсивно процесс упадка болгарской исторической науки пошел после фашистского переворота 9 июня 1923 г.

В условиях установившегося тогда в Болгарии жесточайшего террора, беспощадно преследовавшего всякую прогрессивную мысль, реакционные историки должны были доказать, что у Болгарии совершенно особый путь исторического развития и что Болгария всегда играла особую, чуть ли не провиденциальную роль в истории юго-восточной Европы. В оформившейся на этой базе „школе великоболгарского шовинизма“ в историографии, наряду с М. Арнаудовым, Б. Йодовым, Ст. Чилингировым, Ив. Орманджиевым и другими историками нового и новейшего периода болгарской истории, весьма активное участие принимал и медиевист П. Мутафчиев, вместе с Г. Филовым претендовавший на руководящую роль и в области болгарского византиноведения.

К этому времени Мутафчиев уже безоговорочно принял все основные принципы наиболее реакционной буржуазной историографии периода империализма: отрицание единства и закономерности исторического процесса, расизм и пр. На их основе и попытался он перестроить болгарскую медиевистику, в том числе и византиноведение, в интересах великоболгарского шовинизма.

Все его исторические работы, опубликованные после фашистского переворота,⁴ подчинены одной цели: убедить читателя в том, что развитие Византии не имеет ничего общего с развитием других европейских средневековых стран, что ее влияние на окружающие народы, начиная

¹ С наиболее обстоятельной, но, конечно, целиком остававшейся в пределах буржуазной методологии критикой „концепций“ Филова выступал Г. Баласчев, один из учеников Ф. И. Успенского. См., например: Минало, III, 1920, кн. 10.

² См. его вступительную лекцию в Софийском университете 25 октября 1920 г. „Задачи современной болгарской историографии“ (Годишник на Софийск. унив., Ист.-фил. фак., т. XVII, София, 1921).

³ Первая часть 1-го тома вышла в 1918 г. В дальнейших книгах (вторая часть 1-го тома вышла в 1927 г., 2-й том в 1934 г. и 3-й — в 1940 г.) эта тенденция проявляется еще более резко.

⁴ Особенно: Восток и Запад в европейском средневековье. Годишник на Софийск. унив., Ист.-фил. фак., кн. XXI, 2, София, 1925; Der Byzantinismus in mittelalterlichen Bulgarien, BZ, XXX, 1929—1930; История на българския народ, тт. I—II. София, 1943.

с VII в., было абсолютно „вредным“, „развращающим“, „иссушающим живительную струю национального развития“, и что народы юго-восточной Европы были спасены от „денационализации“ якобы только благодаря „особым свойствам“ болгарского народа, принесенным на Балканский полуостров „туранскими протоболгарами“.

С особым усердием для защиты этой „концепции“ использовал Мутафчиев „теорию ориентализации“ или, как он предпочитал говорить, „азиатизации“ Византии. Он утверждал, что уже к VII—VIII вв. в Византии „античные традиции померкли, унаследованная от древности мораль восточно-римского общества заменилась внешним исполнением известных условностей. Лицемерие и притворная набожность, вероломство и уточненная жестокость стали наиболее характерными чертами этого мира, в котором цель оправдывала все средства, а успех заставлял забыть любое совершенное ради него преступление“.¹

Именно в плане обоснования этой своей „концепции“ Мутафчиев и выступал² против попыток Васильевского и Успенского сопоставлять социально-экономические институты Византии (такие, скажем, как прония, стратиотское землевладение и др.) с соответствующими институтами западноевропейского феодализма, попыток, которые при всей своей непоследовательности, обусловленной классовой ограниченностью методологии этих историков, были прогрессивными и открывали тогда новые возможности исследованию внутренней истории Византии.

Научный уровень работ Мутафчиева, а вместе с тем и их политическая направленность, очень ярко характеризуются его совершенно антинаучным утверждением, что Великая Октябрьская социалистическая революция, которую он именует „царством хаоса“, „страшным катаклизмом“ и т. п., явилась будто бы непосредственным результатом... господства „византинизма“ на Руси!³

Идейно-теоретическая близость Мутафчиева, Филова и других представителей школы великоболгарского шовинизма к западноевропейской реакционной науке весьма ярко проявлялась во многих их выступлениях на международных византиноведческих конгрессах и в связи с ними,⁴ и особенно во время IV конгресса, происходившего в Софии в 1934 г.⁵

Но, конечно, не все болгарские византилисты разделяли шовинистические и прогерманские воззрения Мутафчиева и Филова. Время от

¹ П. Мутафчиев. История на български народ, т. I, 1943, стр. 94; ср. он же. Восток и Запад в европейском средневековье, стр. 31.

² В статьях „Войнишки земи и войници в Византия през XIII—XIV вв.“ (Списание на Бълг. Акад. на науките, т. XXVII, 1923) и „Пронията в Византия и отношениято и към военната служба (Известия на Бълг. историч. друж., кн. VI, 1924) и в 1-й главе II тома „История на български народ“. Следует отметить, что на эту политическую и методологическую „подоплеку“ указанных работ Мутафчиева не обратил внимания А. П. Каждан ни в своей рецензии на „Историю болгарского народа“ (Вопросы истории, 1948, № 8), ни в своей книге „Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.“ (М., 1952), в которой он не раз сочувственно ссылается на взгляды Мутафчиева о характере византийской пронии (например стр. 206, 207). Подобную же ошибку допустил и Петр Хр. Петров, автор интересной статьи „Буржуазно-идеалистические и реакционно-фашистские взгляды проф. Петра Мутафчиева“ (Исторически преглед, 1950—1951, кн. 4—5).

³ П. Мутафчиев. Восток и Запад в европейском средневековье, стр. 24—25.

⁴ Достаточно сослаться хотя бы на отчет Б. Филова о I конгрессе (Известия на Бълг. археол. инст., т. II, 1923—1924, в котором он превозносит немецких ученых, называя их „лучшими“, „самыми глубокими“ и т. д. (стр. 208).

⁵ Actes du IV Congrès international des études byzantines, vol I—II, Sofia, 1935—1936 (Известия на Бълг. археол. инст., тт. IX и X); ср. Отчет Б. Филова об этом же конгрессе в т. VIII этих же „Известий“ (1935).

времени в печать проникали статьи совершенно иной направленности. Интересна, например, не по обилию нового материала и новых наблюдений, а именно по идейной направленности, статья Кр. Миятева „Эллинистические мотивы в византийском искусстве“,¹ по существу популяризовавшая наиболее передовую в буржуазном искусствознании концепцию происхождения византийского искусства, созданную еще в конце XIX в. русским исследователем Д. В. Айналовым.² Большой научный интерес имеют и первые византинистические работы крупнейшего современного византиниста народнодемократической Болгарии Димитрия С. Ангелова, созданные им еще в досентябрьский период. Мы имеем в виду его исследование „Влияние на чужди ереси върху богомилството“³ и „Der Bogomilismus auf dem Gebiete des byzantinischen Reiches-Ursprung, Wesen und Geschichte“.⁴ Они выделялись прежде всего своей тематикой — необычным для того времени интересом к народным движениям средневековья. Вторая из только что упомянутых статей характерна и тем, что оспаривает утверждение великоболгарских шовинистов о будто бы абсолютно отрицательном влиянии Византии на развитие Болгарии.

Однако в условиях господства фашистского режима и глубочайшего кризиса буржуазной исторической науки работы прогрессивного направления могли появляться лишь в виде исключения. Как правило, историки, несогласные с шовинистическими и фашистскими „концепциями“, вынуждены были целиком уходить в разработку узко специальных вопросов, да и тут ограничиваться просто подбором и регистрацией фактов.⁵

Свержение монархо-фашистской диктатуры, обеспеченное победой Советской Армии над гитлеризмом и осуществленное 9 сентября 1944 г. болгарскими трудящимися под руководством своей Коммунистической партии,⁶ коренным образом изменило положение болгарской историографии, в том числе и византинистоведения. Перед всеми прогрессивными болгарскими учеными открылись неограниченные возможности научного творчества. Вместе с тем принципиально новый путь социально-эконо-

¹ „Прометей“, 1938, кн. 8.

² См.: Д. В. Айналов. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. Надо, впрочем, отметить, что Миятев, будучи редактором (вместе с В. Златарским и Ив. Великовым) журнала „Българска историческа библиотека“, считал возможным печатать такие насквозь „ориенталистические“ статьи, как статья Жана Эберсоляда „Византия и декоративное искусство“ (Българска историческа библиотека, год. V, 1932—1933, кн. II).

³ Известия на семинарите в Историко-филологическия факултет на Университета, 1, София, 1942, стр. 145—180.

⁴ Напечатана эта работа уже после 9 сентября 1944 г. (см.: Годишник на Софийск. унив., т. XLIV и XLVI), но, по собственному признанию автора (Годишник на Софийск. унив., т. XLIV, стр. 4), написана она еще в 1942 г.

⁵ Конечно, и в области подобного рода исследований должно было сказаться и действительно сказывалось тлетворное влияние великоболгарского шовинизма и других разновидностей фашистской идеологии. Одним из ярких примеров этого являются работы Ал. Рашенова (1892—1938), архитектора по образованию, посвятившего много труда исследованию вопроса о роли славян в развитии византийской культуры. Его статья „Българска школа в византийския стил“ (Известия на Бълг. археол. инст. т. VI, 1932) и его доклад на V византинистическом конгрессе в Риме в 1936 г. „Болгаро-византийская архитектурная система“ содержат много интересного материала, но пронизаны порочной идеей противопоставления „греко-славянского“ и „романо-германского“ миров (особенно в статье, Известия на Бълг. археол. инст., т. VI, стр. 206 сл.).

⁶ До 9 сентября она называлась Болгарской Рабочей партией, затем до V съезда (декабрь 1948 г.) — Болгарской Рабочей партией (коммунистов).

мического развития, на который вступала тогда страна, ставил перед болгарской исторической наукой совершенно новые задачи и настоятельно требовал полного пересмотра всех общетеоретических концепций и методологических принципов буржуазной историографии. В первую очередь особенно необходимо было решительное разоблачение великоболгарского шовинизма, исторические фальсификации которого усиленно поддерживались еще далеко не уничтоженными тогда реакционными силами.

Решающую роль в деле ускорения перестройки всей исторической науки сыграли повседневное руководство и помощь со стороны Болгарской Коммунистической партии. По инициативе партии для объединения всех историков-антифашистов и для широкой пропаганды марксистско-ленинской методологии уже через несколько месяцев после 9 сентября был создан новый исторический журнал „Исторически преглед“ („Историческое обозрение“), с первых же номеров открывший свои страницы для работ болгарских византинистов.

Партия призывала болгарских историков неустанно овладевать марксистской наукой и сотрудничать с советскими учеными.

Большую помощь болгарским медиевистам в их борьбе с великоболгарским шовинизмом в области средневековой истории оказал доклад Вылко Червенкова на торжественном собрании в память Кирилла и Мефодия 23 мая 1945 г. „Делото на братята Кирил и Методий“. Для византинистов особенно важным было то, что в докладе было отчетливо намечено место Византии в общем развитии средневековой Европы в VI—XI вв. и четко разработан вопрос, наиболее запутанный Мутафчиевым — об историческом значении культурного влияния Византии на соседние страны в разные периоды средневековья. „Влияние Византии при Юстиниане (527—565), — сказал тов. Червенков, — реакционно, поскольку сама Византия как рабовладельческая империя в то время была опорой реакции и боролась против завоевавших Западную Римскую империю варварских племен, которые расчистили и подготовили почву для феодальных отношений“.¹ Другое дело — в IX—X вв., когда „Византия сама стала феодальной державой... и оказывала прогрессивное влияние на соседние народы... ускоряя и идеологически оформляя у них процесс феодализации“.²

И большинство первых же написанных после 9 сентября византиноведческих работ свидетельствовало о начале серьезных сдвигов в этой отрасли болгарской медиевистики.

Изменилась прежде всего тематика исследований. Внимание историков сосредоточивалось теперь уже не на частных, часто к тому же второстепенных вопросах византийской истории, как это было во времена фашистской диктатуры, а на основных проблемах, таких, как характер общественного строя Византии, ее место в общей истории Балканского полуострова, византино-болгарские отношения и т. п.

Изменилась и направленность исследований: в истории Византии искали теперь не то, что противопоставляло ее истории других средневековых европейских стран (как это делали Мутафчиев и его единомышленники), а именно то, что могло помочь объяснению истории других балканских стран, в первую, конечно, очередь — самой Болгарии.

¹ В. Червенков. Делото на братята Кирил и Методий. София, 1945, стр. 28—29.

² Там же

„История Византии, — утверждал, например, выдающийся болгарский ученый Димитр Ангелов, — ключ к истории Болгарии“.¹

Вместо восприятия исключительно новейших теорий западноевропейской историографии начали появляться работы, подчеркивающие значение русской исторической науки в развитии византиноведения.²

Но эти первые византиноведческие статьи еще не были марксистскими. Даже лучшие из них иногда строились на материале, а в некоторой степени и по схемам русского буржуазного византиноведения. И хотя позитивизм русского византиноведения XIX в. по своему теоретическому уровню был, конечно, значительно выше подчеркнутого индетерминизма буржуазной историографии XX в., его „рецепция“ могла быть приемлемой лишь как первый шаг, как одна из форм борьбы передовой части историков против фашистской и шовинистической идеологии. Ограниченность подобной методологии проявлялась тем отчетливее, чем острее разворачивалась борьба за развитие народной демократии как новой формы власти рабочего класса в тесном союзе с трудящимся крестьянством.

Поскольку такое же по существу положение было и на других участках исторического фронта, Болгарская Коммунистическая партия, не ограничиваясь борьбой за сплочение всех историков-антифашистов, принимала действенные меры к тому, чтобы направить их внимание на освоение основных положений марксизма-ленинизма. Огромное значение в этом отношении имела беседа тов. Г. Димитрова с редактором журнала „Философска мисъл“ (15 сентября 1946 г.), в которой значительное место было отведено и очередным задачам болгарской исторической науки.³ Требования партии, сформулированные тов. Димитровым, — критиковать и бичевать фашистские фальсификации истории и, как можно скорее, используя богатый опыт советской науки, разработать и популяризировать марксистские критерии для правильного объяснения важнейших периодов и главнейших событий в истории болгарского народа — давало отчетливую перспективу и всей византиноведческой работе.

И первым опытом работы в этом направлении было ценное исследование Д. Ангелова „Феодализм в Византии“.⁴ По форме — это вступительная лекция к университетскому курсу византийской истории,⁵ по содержанию — попытка дать общую концепцию развития Византии. Замечательно прежде всего, что эту попытку автор начинает с характеристики общественного строя империи. Уже этим работа Ангелова коренным образом отличается не только от работ „школы“ Мутафчиева

¹ Д. Ангелов. Ролята на византийския император в правораздаването, част първа. Годишник на Софийск. унив., т. XLII, 1944/1945, София, 1946, стр. 3. Ср.: Д. Ангелов. Към въпроса за поземелните отношения в средновековната балканска дъжава. Истор. преглед, год I, 1945, кн. 4; он же. Работво в средновековной Болгарии. Истор. преглед, год II, 1945—1946, кн. 2; А. Бурмов. Феодализм в Болгарии. Там же.

² См., например: Димитър П. Димитров. Сто години от рождението на руския византинист акад. Ф. И. Успенский. Исторически преглед, год II, 1945—1946, кн. 2; см. также в т. XV „Известия на Бълг. археол. инст.“ (1946) некролог Карелу Шкорпилу (1859—1944), одному из наиболее известных археологов Болгарии, долго работавшему под руководством Ф. И. Успенского.

³ Др. Георги Димитров за ролята и задачите на сп. „Философска мисъл“. Философска мисъл, 1946, кн. 3, стр. 5—7. Ср. редакционную статью „Георги Димитров за задачите на Българската историческа наука“: Исторически преглед, год., III, 1946—1947, кн. 1.

⁴ Исторически преглед, год. III, 1946—1947, кн. 2, стр. 217—232.

⁵ Прочитана в Софийском университете в декабре 1946 г.

(ср. „Восток и Запад в европейском средневековье“), но и от лучших даже работ русского буржуазного византиноведения, в общей оценке развития Византии тоже исходившего прежде всего из изучения политических факторов. Но еще более важным было то, что Ангелов впервые в болгарской историографии старается рассматривать Византию как одно из феодальных государств средневековья. Наконец, к числу несомненно значительных достоинств работы надо отнести и то, что Ангелов не ограничивается общей характеристикой общественного строя Византии как феодального, а пытается наметить основные этапы или, как он говорит, „фазы“ его развития. Работа Ангелова, следовательно, является первой и весьма удачной попыткой научной периодизации истории византийского феодализма.

Однако эта работа была еще не лишена некоторых частных недостатков. Например, никак нельзя признать вполне удачной общую характеристику основных признаков феодального строя (стр. 217—218), так как автор, хотя и говорит об особенностях феодальной формы собственности, но нигде не показывает, что именно эта собственность на землю и являлась основой феодализма.¹ Не отличается еще необходимой четкостью и характеристика своеобразия византийского феодализма. Наряду с целым рядом совершенно правильных наблюдений по этому вопросу (например об особой роли городов, торговли, о пережитках рабовладения, о наличии слоя свободного крестьянства и т. п.) имеются еще и ссылки на какие-то особенности „психического склада“, якобы „свойственные вообще средневековым народам европейского юго-востока“ и будто бы повлиявшие на сохранение в Византии централизованного государства (стр. 228—229). Некоторую работу предстояло еще сделать и для уточнения предложенной здесь Ангеловым периодизации византийской истории. И все же, при сопоставлении этой работы со всеми предшествующими ей работами и самого Ангелова, и всех других болгарских византинистов, необходимо признать, что труд Ангелова „Феодализм в Византии“ является важной вехой в развитии болгарского византиноведения на новой марксистской основе.

Весьма благоприятное впечатление производит и вторая часть статьи „Ролята на византийския император в правораздаването“, опубликованная Д. Ангеловым почти одновременно с „Феодализмом в Византии“.² По своему теоретическому уровню она несомненно выше первой части этой же работы, напечатанной еще в 1946 г. В первой части, например, отсутствовала классовая характеристика тех судебно-правовых установлений Византии, которым посвящена статья, и на первый план были выдвинуты лишь „римские традиции“ и „влияния [церкви]“.³ Во второй части характеристика эпохи дана уже в, значительно более развернутом виде. В частности, гораздо более определенно, чем в первой части, говорит здесь автор о феодализации Византии.⁴

Из других работ этого периода, посвященных основным проблемам внутренней истории Византии, наибольший интерес представляет бога-

¹ Следует отметить, что в вопросе о характере феодальной собственности на землю Д. Ангелов более прав, чем его рецензент А. П. Каждан (Виз. вр., т. III, 1950), утверждавший в рецензии, вопреки неоднократным прямым высказываниям классиков марксизма-ленинизма, что будто бы и феодальный крестьянин являлся, наряду с феодалом, собственником (!) земли (там же, стр. 278).

² Годишник на Софийск. унив., т. XLIII, 1946—1947, София, 1947, стр. 1—76.

³ Годишник на Софийск. унив., т. XLII, 1944/1945, София, 1946, стр. 17, 21 и др.

⁴ Там же, стр. 50 сл., 62 и др.

тая фактическим материалом статья „Принос към народносните и поземелни отношения в Македония (Епирские деспотат) през първата четвърт на XIII в.“,¹ тоже принадлежащая перу Д. Ангелова. Значение этой работы заключается главным образом в том, что на основе анализа большого количества документов, преимущественно актов Охридской архиепископии, Димитр Ангелов убедительно показал, что к началу XIII в. в Эпире, особенно в его горных областях, еще сохранилось в довольно больших масштабах свободное крестьянство.

Стремление к пересмотру основных положений буржуазной историографии нашло свое отражение и в статьях, посвященных византино-славянским, в частности византино-болгарским, отношениям. Здесь следует отметить статьи Борислава Примова и Д. Ангелова.²

Примов интересовался тогда преимущественно византино-болгарскими отношениями в начале XIII в. — темой, которую, как известно, разрабатывали в свое время Ф. И. Успенский,³ В. Макушев,⁴ а затем и В. Златарский.⁵ Широко используя их работы, Примов в объяснении событий идет значительно дальше, чем все эти буржуазные ученые. Основные причины византино-болгарского союза против „латинян“ Примов ищет уже не в религиозных мотивах и не в „борьбе культур“, а в области материальных интересов византийских и болгарских феодалов.⁶ Однако в характеристике этих интересов еще имеется несколько формально-юридический подход, а рассмотрение основного противоречия феодализма — противоречия между антагонистическими классами феодального общества — еще не всегда привлекает достаточное внимание автора.

Статья Д. Ангелова „Византийские влияния на средневековую Болгарию. Статья первая“⁷ интересна тем, что это был первый опыт решения задачи, поставленной перед болгарскими историками Вьлко Червенковым еще в мае 1945 г.: пересмотреть на действительно научной основе вопрос о значении влияния Византии на Болгарию на разных этапах исторического развития. В этой статье Ангелов рассматривает лишь один вопрос: какое влияние оказали на политическую жизнь Болгарии византийские теории о роли императорской власти в истории общества, но на этом примере он пытается наметить некоторые общие принципы разработки всей проблемы. В частности, он неоднократно и совершенно справедливо подчеркивает, что всегда необходимо учитывать, какой класс и с какой целью воспринимал то или иное „влияние“ и как он его приспособлял к своим интересам (см., например, стр. 402, 406, 411 и др.). Приходится, однако, отметить и некоторые упущения в этой работе Ангелова. Так, например, он недостаточно подчеркивает феодальный характер византийского государства (см. напр., стр. 406) и даже утверждает, что в то время, как в Болгарии

¹ Известия на камарата на народната култура, т. IV, 1947.

² Ср. также: В Мик ов. Старите славяни на юг от Дунава. Исторически преглед, год. III, 1946—1947, кн. 2, стр. 142—161.

³ Ф. И. Успенский. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879; он же. Крестовые походы. 1900, СПб.

⁴ В. Макушев. Болгария в конце XII и первой половине XIII в. Варшавские университетские известия, № 3, 1872.

⁵ См. выше, „Гръцко-български съюз през 1204—1205 г.“.

⁶ Б. Примов. Гръцко-български съюз в началото XIII в. Исторически преглед, год. IV, 1947—1948, кн. 1, стр. 22—39; он же. Българи, гърци и латинци в Пловдив през 1204—1205 гг. Известия на Българ. историч. дружество, кн. XXII—XXIV, София, 1948, стр. 145—156.

⁷ Исторически преглед, год. IV, 1947—1948, кн. 4—5, стр. 401—416.

борьба против феодализма велась народом, снизу, в Византии будто бы вся тяжесть этой борьбы выпала на долю василевсов (стр. 411—421).¹

Одним из показателей интенсивного стремления к повышению идейно-теоретического уровня исторических исследований является весьма заметный рост интереса со стороны болгарских ученых к состоянию и достижениям исторической науки в СССР. Начинают появляться и переводы работ советских византинистов. Например под редакцией проф. Ал. Бурмова была переведена „История Византии“ М. В. Левченко (издана в Софии в 1948 г.). Обзоры новых советских византиноведческих изданий печатаются не только в исторических,² но даже и в педагогических журналах.³

Об идейно-теоретическом росте болгарских медиевистов убедительно говорит новое большое исследование Димитра Ангелова „Богомилство в Болгарии“, вышедшее в свет еще в 1947 г., в котором Ангелов дает правильный ответ на вопрос о возникновении богомилского движения, показывая его неразрывную связь с широкими слоями болгарского крестьянства и плебейством болгарских городов.⁴

Но едва ли следовало Д. Ангелову торопиться с изданием учебного пособия по истории Византии XIII—XV вв., составленного по его собственным лекциям, которое появилось в свет в 1948 г.⁵ В книге отсутствует развернутый анализ социально-экономического развития поздней Византии, характеристика противоречий этого развития, его кризиса. Параграфы о хозяйственном положении Никеи (стр. 38—46), Эпира (стр. 46—54), Византии при Палеологах (стр. 54—74) носят несколько описательный характер и недостаточно связаны с освещением других сторон общественной жизни. Автор не занимается вопросом борьбы между основными антагонистическими классами поздней Византии. Так, например, при изложении событий середины XIV в. (стр. 107 сл.) на первый план выдвинуты не основные классовые противоречия, не антифеодальный характер выступлений народных масс Фракии и Македонии, а междуусобицы феодальных кланов. И политическая история поздней Византии — главный предмет внимания автора — изложена в форме перечисления „политических и церковных событий“ (стр. 3—37, 80—152). То же и в разделе культуры (стр. 165—204): перечисляются имена писателей, историков, теологов и т. д., мелькают названия их произведений, но нет истории развития литературы, историографии, теологии. О народной литературе и народном искусстве автор не упоминает.

Общие итоги развития болгарской исторической науки с 9 сентября 1944 г. до конца 1947 г., т. е. за время первого этапа развития

¹ Менее „теоретической“, но интересной по обилию фактического материала является работа Д. Ангелова „Съобщително-операционни линии и осведомителна служба във войните и външно-политическите отношения между България и Византия през XII—XIV в.“ (Известия на Българ. историч. друж., кн. XXII—XXIV, 1948). Это — кропотливо составленная сводка фактического материала по указанным в заглавии вопросам из византийских и отчасти западноевропейских авторов. Использованы, к сожалению, только письменные источники.

² См., например, рецензию Сони Георгиевой на „Византийский сборник“: Известия на Българ. историч. друж., кн. XXII—XXIV, София, 1948.

³ Так, например, обзор Ив. Великова „Нови византийски проучвания в СССР“ был напечатан в журнале „Училищен преглед“ (кн. 5—6, 1947).

⁴ Д. Ангелов. Богомилството в България. София, 1947, стр. 16 сл., 51 сл. и др. См. русский перевод: Д. Ангелов. Богомилство в Болгарии. М., 1954.

⁵ История на Византия, ч. II. 1948, стр. 1—206.

народной демократии в Болгарии,¹ были подведены весной 1948 г. на широком совещании болгарских историков, организованном по инициативе ЦК Болгарской Коммунистической партии и проходившем под непосредственным руководством Вълко Червенкова.²

На совещании выступали и византинисты Д. Ангелов и В. Николаев.

Совещание подтвердило, что основная масса болгарских историков всех специальностей активно стремится подняться до уровня требований, порожденных новой обстановкой. Но вместе с тем совещание подтвердило и то, что пережитки великоболгарского шовинизма в историографии еще далеко не преодолены и что борьба против них ведется недостаточно наступательно.

„С национализацией капиталистических промышленных предприятий и банков, совершенной 23 декабря 1947 г., народная демократия у нас, — писал Вълко Червенков, — как своеобразная форма пролетарской диктатуры окончательно оформилась и утвердилась. Были уже созданы условия, необходимые для того, чтобы приступить к построению основ социалистического общества в Болгарии“.³ Соответствующие этому новому этапу развития народной демократии новые задачи идеологической работы, в том числе и в области исторической науки, были четко указаны V съездом Болгарской Коммунистической партии, происходившим с 18 по 25 декабря 1948 г. Съезд признал, что „основная задача... партии на идеологическом фронте в настоящий исторический момент состоит в том, чтобы организовать и провести последовательно, настойчиво, без колебания решительное преодоление капиталистической идеологии во всех ее разновидностях и, опираясь на блестящий подъем советской социалистической науки и культуры, учась и руководствуясь ею, обеспечить... полное господство творческой и боевой марксистско-ленинской идеологии во всех областях науки, искусства и культуры“.⁴ В резолюции съезда было специально подчеркнуто, что особенно необходимо добиться полного разоблачения всех буржуазных фальсификаций болгарской истории — от глубокой древности до сегодняшнего дня, которые содержатся в исторической литературе. Решения съезда, следовательно, призывали всех болгарских историков всемерно повышать свою марксистско-ленинскую и специальную подготовку, широко используя при этом опыт и достижения советской историографии.

Указания партии оказали плодотворное влияние на повышение идейно-политического и научного уровня болгарской исторической литературы уже в 1949—1950 гг.

В области византиноведения это отчетливо сказалось уже в новой (второй) статье Д. Ангелова о византийских влияниях в средневековой

¹ О периодизации развития народно-демократической Болгарии. См. доклад В. Червенкова „Отечественный фронт и его предстоящие задачи“ (в газете „За прочный мир, за народную демократию“, 13 VI 1952). № 24 (188).

² Веселин Х. Николов. Совещание върху съ състоянието и задачите на Българската историческа наука. Исторически преглед, год. IV, 1947—1948, кн. 4—5, стр. 596—605; см. также редакционную статью „Другарят Вълко Червенков и нашата историческа наука“: Исторически преглед, год VII, 1950—1951, кн. 1, стр. 1—6.

³ См. цитированный выше доклад о предстоящих задачах Отечественного фронта в газете „За прочный мир, за народную демократию“.

⁴ Пей конгрес на Българската комунистическа партия, стенографски протоколи, част I. София, 1949, стр. 281.

Болгарии.¹ Значительно последовательнее, чем в первой статье на эту же тему (см. выше, стр. 354), раскрыт здесь автором классовый характер заимствованных болгарами из Византии идей, выраженных в официальной церковной литературе.² Лучше, чем в первой статье, показаны и классовые корни церковной литературы в самой Византии. Здесь нет уже того противопоставления василевсов византийским феодалам, которое имелось в первой статье. В связи с этим более правильно, чем раньше, дается здесь автором и общая оценка исторического значения византийских влияний. Надо, однако, отметить, что и в этой статье Ангелов не уделил достаточного внимания вопросу о том, как передельвались те или иные произведения византийской письменности применительно к условиям Болгарии, что нового и своеобразного вносила в них болгарская действительность.³

Существенные поправки внесены Д. Ангеловым и во вторую часть исследования о богомилстве в Византийской империи, тоже опубликованную им уже после V партийного съезда.⁴ Он включил, например, в нее характеристику социального положения византийского крестьянства в XI в.,⁵ которая при всей своей краткости все же, несомненно, приближает читателя к правильному пониманию причин распространения богомилства во многих областях Византии. Новыми или, во всяком случае, значительно обновленными являются и те разделы статьи, в которых трактуется о соотношении характерных особенностей богомилской идеологии с идеологией зилотов.⁶ Но эти дополнения и поправки касались пока еще отдельных вопросов, связанных с проблемой богомилского движения в Византийской империи.

Поиски путей перехода к научной методологии характерны в той или иной мере и для большинства других византиноведческих работ, опубликованных в 1949—1950 гг.: см., например, рецензии Ив. Дуйчева на 3-й том „Истории Византийской империи“ акад. Ф. И. Успенского⁷ и Сони Георгиевой на т. I советского „Византийского временника“.⁸ То же и в статьях Т. Герасимова в т. IV сборника „Разкопки и проучвания“ (София, 1949),⁹ хотя они и посвящены столь специальным отделам византиноведения, как византийская нумизматика и сфрагистика.¹⁰

¹ Исторически преглед, год. V, 1948—1949, кн. 5, стр. 587—601.

² Там же, стр. 590 сл. — Характерен и сам подзаголовок статьи: „Класови елементи в официалната църковна литература“ (стр. 587).

³ В отношении апокрифов этот недостаток вскоре был отчасти исправлен автором в статье „Апокрифната книжнина като отражение на феодалната действителност и светогледа на експлоатиранта класа в средновековна България“, напечатанной в „Исторически преглед“ (год. VI, 1949—1951, кн. 4—5).

⁴ Годишник на Софийск. унив., т. XLVI, 1949—1950, София, 1950, стр. 1—57.

⁵ Там же, стр. 3 и особенно стр. 51 сл.

⁶ Там же, стр. 42, 54.

⁷ Известия на Бълг. археол. инст., т. XVII, София, 1950, стр. 379—384. Рецензия эта не лишена еще недостатков (в частности автор недостаточно глубоко критикует ограниченность русского дореволюционного буржуазного византиноведения).

⁸ Там же, стр. 387—390.

⁹ На обложке — 1950 г.

¹⁰ Для определения места этих статей в общем развитии болгарского византиноведения полезно сопоставить их методологию с методологией предшествующих работ автора, хотя бы его исследования „Византийски оловени печати от Пласка“, опубликованного в т. XIV „Известия Бълг. археол. инст.“ (1943). В статьях 1949 г., особенно во второй статье сборника — „Неиздадени монети от Палеолозите“ (стр. 23—44) — автор уже пытается кое-где связать нумизматику с общей историей поздней Византии.

Появлялись еще, впрочем, частью фактологические статьи (например статья Н. Мавродинова „Планът и конструкцията на св. София в Царьград“),¹ и рецензии (например рецензия Мар. Чичиковой на „Byzantinoslavica“² или рецензия И. Д. на книгу А. Васильева „Житие Петра Аргосского“.³

Самым крупным византиноведческим произведением 1949—1950 гг., произведением, в котором наиболее отчетливо проявились крупные достижения болгарского византиноведения этого периода, является труд проф. Д. Ангелова „История Византии, часть I (395—1204 гг.)“.⁴

Первая часть „Истории Византии“ отнюдь уже не является просто сводкой фактического материала, чем в сущности была, как мы уже отмечали, вторая часть этого труда, опубликованная Ангеловым еще до V съезда Болгарской Коммунистической партии. Теперь перед нами — фундаментальное исследование с четко выраженной идейно-теоретической направленностью и оригинальным решением ряда важнейших проблем византийской истории.

Во „Введении в изучение византийской истории“, предпосланном основным главам книги, Ангелов правильно раскрывает политическое и научно-теоретическое значение византийских исследований и их связь с общими задачами исторической науки народнодемократической Болгарии. Он подчеркивает, что при разрешении этих задач необходимо опираться на „новый метод, на метод всепобеждающей социалистической науки, на историко-материалистические позиции марксизма-ленинизма“.⁵

Первая часть „Истории Византии“ и является первой в болгарской историографии попыткой дать всестороннюю, „полнокровную“, как говорит сам автор, историю Византии с „историко-материалистических позиций марксизма-ленинизма“. И во многом эту попытку следует признать весьма удачной.

Собранный Ангеловым обширный и, как правило, тщательно проверенный материал по социально-экономической и политической истории Византии и по истории византийской культуры убедительно опровергает измышления Мутафчиева и других великоболгарских шовинистов о каком-то особом, якобы азиатском, пути развития Византии. При этом Ангелов отнюдь не сбивается на схематизм и не отрицает целого ряда особенностей в развитии Византии. Но теперь он говорит об этих особенностях значительно более правильно, чем, скажем, говорил он в своей лекции „Феодализм в Византии“ в 1946 г. (см. выше, стр. 351—352). В „Истории Византии“ нет уже ссылок на какие-то „психические особенности народов юго-восточной Европы“, зато много внимания уделяется городам, роли крестьянской общины и другим действительно важным факторам.

С определенностью, гораздо большей, чем в какой бы то ни было предшествующей своей работе, говорит здесь Ангелов о материальной, экономической основе исторического процесса. Он уже не ограничивается общей характеристикой социально-экономического положения

¹ Разкопки и проучвания, вып. IV, стр. 149—165.

² Известия на Бълг. археол. инст., т. XVII, стр. 392.

³ Там же, стр. 402 сл.

⁴ Издана в серии „Университетска литература“, София, 1950.

⁵ История на Византия, ч. I, стр. 6. В дальнейшем ссылки на это издание

империи в тот или иной период ее истории. При изложении почти всех крупных общественных явлений он старается проследить их социально-экономические корни и во многих случаях делает это вполне удачно (см., например: объяснение возникновения христианства, стр. 52—60, причин разделения Римской империи на Восточную и Западную, стр. 61—70, иконоборчества, стр. 259—266, 294 сл., появления „еретических“ движений, стр. 60—61, 239—240, и др.). На значительно более высоком уровне, чем даже во второй части „Ролята на византийския император в правораздаването“, дана история политического устройства Византии, в частности ее судебных установлений. В противовес усиленно распространенным в период господства великоболгарского шовинизма „теориям“ ориентализации Византии Ангелов во многих местах своей работы подчеркивает „эллинистические“ (т. е. по существу местные, туземные) основы византийской цивилизации (см., например, стр. 73, 194, 196).

Вполне удалось Ангелову показать интенсивные связи Византии с целым рядом европейских государств и активную роль Византии в международных отношениях того времени (например стр. 432, 458 и др.).

Намного лучше, чем во второй части, дана история культуры. Теперь Ангелов не довольствуется перечислениями авторов и их произведений, но старается показать развитие как всей византийской культуры в целом, так и ее отдельных отраслей (стр. 189—214, 303—317, 495—521). Д. Ангелов отвергает популярный в буржуазном византиноведении тезис об „одичании“ Византии в VII—VIII вв. и совершенно справедливо подчеркивает рост светских элементов в культуре этого периода (стр. 307—315). Специальные параграфы посвящены народной литературе (стр. 208—209, 516—519). Сделана попытка показать значение византийской культуры для развития культуры балканских стран и некоторых стран Западной Европы (стр. 315—317, 520 сл.).

Вместе с тем, однако, и это произведение Д. Ангелова не лишено еще некоторых недостатков.

Так, например, при характеристике положения в позднеимперской империи в III—IV вв. (гл. II) Ангелов, хотя и использовал классическое произведение Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства,“ но по существу взял оттуда лишь описание признаков кризиса рабовладельческого строя на Западе: картины всеобщего обнищания, упадок городов, сокращение торговли и т. п. Основные причины кризиса — обострение противоречия между уровнем развития производительных сил и рабовладельческой системой производственных отношений — не нашли своего отражения на страницах рецензируемой работы. Не удивительно поэтому, что Ангелову не удалось показать своеобразие этого процесса в Восточно-Римской (Византийской) империи (гл. III). Больше того, обращая внимание лишь на такие моменты, как торговля, состояние городов и т. п., и недостаточно глубоко анализируя состояние производительных сил и их соотношение с господствовавшей тогда системой производственных отношений, автор неизбежно должен был прийти — и действительно пришел — к отрицанию кризиса в Восточно-Римской империи как в V, так и в VI в. Получается, что кризис начинается здесь только в VII в., да и то не столько в результате обострения внутренних противоречий, сколько под влиянием вторжения иноземных племен и народов.

Нет еще необходимой четкости и в изложении такого вопроса, как вопрос об особенностях возникновения феодальных отношений в Визан-

тии. Так, например, наряду с совершенно правильной характеристикой колоната V—VI вв. как „особой формы рабовладельческих отношений“, „их модификации“ (стр. 163, 214—215 и др.), во многих местах своей работы Д. Ангелов как бы отождествляет колонатные отношения с крепостничеством периода феодализма.

В слишком общих выражениях говорится в книге о роли славян в развитии византийского феодализма.

Недостаточно обоснованной, на наш взгляд, является и попытка Ангелова искать причины быстрого развития феодальных отношений в Византии в IX—X вв. в упадке средиземноморской торговли, вызванном завоеваниями арабов (стр. 424, 476).

Некоторые замечания можно сделать по поводу неточностей в терминологии. Автор еще далеко не всегда придерживается установленного в марксистской литературе значения того или иного термина (например: пролетарий, капиталист, мануфактура, дофеодальный период и т. д.) и нередко переносит их в совершенно иные эпоху и условия.

Далеко не все еще сделано в „Истории Византии“ и в отношении раскрытия творческой активной роли народных масс в общественном развитии. Так, например, никак не показано действительное значение народных масс в устранении изжившего себя рабовладельческого способа производства, хотя народные движения этого периода и упоминаются не раз в соответствующих разделах книги (см., например, стр. 70, 89 и др.). При объяснении внутривизантийских изменений в Византии (таких, скажем, как переход к феодальному строю и т. п.) или крупнейших законодательных актов, автор ссылается лишь на интересы и требования тех или иных группировок господствующего класса (светской знати, духовенства, столичного чиновничества и пр.).

Недостаточно показан патриотизм народных масс в борьбе с иноземными захватчиками. По тексту IV и V глав получается, что, например, в борьбе с арабами патриотизм был проявлен будто бы лишь представителями господствующего класса.

Однако первую часть „Истории Византии“, несмотря на наличие некоторых недостатков, нужно расценивать как один из ярких показателей роста идейно-теоретического и научного уровня византиноведения в народнодемократической Болгарии.

В деле дальнейшего повышения идейно-теоретического и научного уровня всей болгарской историографии существенную роль сыграли научные дискуссии о периодизации болгарской истории и о классах и классовых отношениях в период болгарского возрождения, организованные Институтом болгарской истории при Болгарской Академии наук в 1950—1951 гг.¹

Для византинистов особенно важное значение имела первая из этих дискуссий, во многом опиравшаяся на опыт происходившей тогда же дискуссии советских историков о периодизации истории СССР.

¹ В. Хаджиниколов. Научните дискуссии в Института за българска история при Българ. Акад. на науките. Известия на Инст. за бълг. история при Българ. Акад. на науките, 1951, вып. 1—2, стр. 359—386; ср.: Веселин Х. Николов. Дискусията в Института за българска история при Академията на науките. Исторически преглед, год. VII, 1950—1951, кн. 4—5, стр. 553—557.

Хотя эта дискуссия и не обеспечила еще необходимой ясности в вопросе о соотношении и хронологических рамках отдельных этапов социально-экономического развития Болгарии, она несомненно способствовала уяснению болгарскими историками марксистско-ленинского учения об условиях становления и развития общественно-экономических формаций, что, несомненно, было весьма важно и для византинистов. Дискуссия, в частности, способствовала тому, что внимание болгарских медиевистов стало направляться на исследование вопроса об особенностях возникновения и развития феодальных отношений в странах Балканского полуострова.

Кроме того, дискуссия показала, что болгарская историография, в том числе и византиноведение, уже достигли такого уровня развития, когда дальнейшее движение вперед действительно требует более глубокой и систематической разработки исторических источников и документов.¹

Благотворное влияние этих дискуссий отчетливо чувствуется во всех последующих работах болгарских византинистов. Особенно показательным в этом отношении новое издание второй части „Истории Византии“ проф. Д. Ангелова.²

По сравнению с изданием 1948 г. это совершенно новая работа. Ее действительно можно признать непосредственным продолжением первой части „Истории Византии“ (1950 г.), но сразу же следует подчеркнуть, что во многих отношениях она, несомненно, превосходит и этот последний труд.

Прежде всего это надо сказать в отношении общего построения книги. Автору действительно удалось вполне удачно, отнюдь не сбываясь на социологизаторство и схематизм, расположить весь материал вокруг нескольких основных проблем поздневизантийской истории. Работа от этого выиграла не только в методическом отношении, хотя и это имеет немаловажное значение, так как она широко используется в качестве вузовского учебника. Гораздо яснее, рельефнее стали и общая концепция автора, и его основные методологические положения. Только первая глава „Политическое и территориальное раздробление Византии и борьба за восстановление целостности империи“ (стр. 3—39) несколько перегружена еще фактами второстепенного значения.

С большей, чем в первой части, настойчивостью стремится автор выяснить внутренние причины исторических явлений. Так, например, в столь кардинальном вопросе поздневизантийской истории, как вопрос о причинах падения Византии, Ангелов отвергает тенденцию буржуазной историографии сводить этот вопрос к той или иной комбинации внешнеполитических факторов и неоднократно — и совершенно справедливо — подчеркивает, что ослабление Византии было естественным и неизбежным результатом развития в империи феодальных отношений (см., например, стр. 110). Но само это „развитие феодальных отношений“ он рассматривает в этой связи главным образом в полити-

¹ О развернувшейся после дискуссий подготовке документальных публикаций, в том числе и по византийским источникам, см.: Н. Тодоров. Научно-исследовательская деятельность на Института за българска история при Българ. Акад. на науките през 1951 г. Исторически преглед, год. VIII, 1952, кн. 3, стр. 321—329.

² Д. Ангелов. История на Византия, втора част, Византия през периода на късния феодализъм (1204—1453). София, б. г. (судя по дате подписания к печати — 29 XI 1952 — она вышла в свет или в самом конце 1952 г., или в начале 1953 г.), стр. 151.

ческом плане, подчеркивая в первую очередь усиление власти отдельных феодалов и ослабление центрального правительства „Главная черта, — пишет он на стр. 40, — характерная для поздневизантийского феодализма, есть усиление процесса раздробления и ослабления центральной власти“ (ср. стр. 47, 89, 110 и др.). Анализа основных экономических противоречий поздневизантийского феодализма (т. е. противоречий между уровнем развития производительных сил и феодальной системой производственных отношений), обострение которых как раз и обусловило внутреннее ослабление Византии в XIV—XV вв., в том числе и ее политическую децентрализацию, Ангелов, к сожалению, нигде не дает. Поэтому, как это совершенно правильно отмечено в рецензии П. Петрова,¹ читатель второй части „Истории Византии“ не сможет составить себе отчетливого представления о том, являлись ли феодальные отношения в поздней Византии еще прогрессивными или они уже превратились в тормоз развития производительных сил.

Больше и глубже, чем в какой бы то ни было другой своей предшествующей работе, посвященной византийской истории, останавливается Ангелов в новой второй части „Истории Византии“ на роли народных масс и, в первую очередь, на их борьбе против феодального гнета.

События 1262 г. в Вифинии (восстание акритов) теперь уже не являются всего лишь одним из эпизодов ослабления военной мощи империи (как это получалось по тексту — стр. 65—66 издания 1948 г.). В новом издании Ангелов правильно рассматривает это восстание как одно из наиболее ярких проявлений классовой борьбы в поздней Византии (стр. 15).

Совершенно по-новому написан весь раздел о борьбе народных масс против феодального гнета в середине XIV в. (стр. 77 сл.).² При изложении этих же событий в издании 1948 г. (стр. 107—116) Ангелов не пытался еще вскрыть действительные причины социального кризиса середины XIV в., ограничившись описанием событий, да и то лишь в отдельных городах. В новом издании внимание автора сосредоточено на анализе условий, породивших это движение, и его историческом значении. Ангелов старается проследить формы и эволюцию феодальной ренты и в связи с этим охарактеризовать положение различных категорий сельского и городского населения. Не все в этом анализе бесспорно. Так, например, данные источников рисуют более сложную, чем у Ангелова, картину соотношения различных форм феодальной ренты: в поздней Византии росла, видимо, не только денежная рента, но и барщина, и натуральный оброк.³ Но само стремление автора — искать основные причины событий середины XIV в. не в междоусобной борьбе различных кланов феодалов и не во влиянии извне, как это делали буржуазные ученые, а в первую очередь в изменениях форм и степени феодальной эксплуатации — совершенно правильно, и его плодотворность отчетливо проявилась уже и в этой работе. Оно, в частности, дало возможность Ангелову более полно, чем это сделано

¹ Исторически преглед, год. IX, 1953, кн. 4, стр. 424—430.

² За несколько месяцев до выхода второй части „Истории Византии“ Д. Ангеловым была опубликована статья „Антифеодальные движения во Фракии и Македонии в середине XIV в.“ (Исторически преглед, год. VIII, 1951—1952, кн. 4—5, стр. 439—456).

³ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 138—164, 200 сл.

кем-либо другим, показать сочетание антифеодалных движений в городе и в деревне (стр. 77 сл., 87).¹

Гораздо правильнее, чем в первой части „Истории Византии“, поставлен здесь и вопрос об отношении различных слоев населения империи к иноземным захватчикам. Автор решительно отвергает тенденциозные утверждения некоторых буржуазных историков об индифферентности народа и патриотизме феодалов и на основе тщательного анализа источников показывает предательство византийских феодалов и в период борьбы с крестоносцами (стр. 8—10), и в период турецкого завоевания (стр. 76, 88, 111 и др.). Подлинными носителями патриотизма, — совершенно правильно подчеркивает Ангелов, — являлись широкие народные массы. С наибольшей обстоятельностью автор подтверждает это на многочисленных примерах героической борьбы народа против турецких феодалов (стр. 66—69, 111 и др.). К сожалению, Ангелов не использовал почему-то русские источники (такие, как, например, Повесть о Царьграде Нестора Искандера), особенно интересные как раз в отношении освещения роли народных масс. Следовало бы, кроме того, более определенно показать, что в гибели Византии повинны не только византийские феодалы, но и феодалы и феодальные организации (папство) Западной Европы. По примеру Карла Маркса можно было бы вслед за известными словами Луки Нотары о „чалме“ и „тиаре“ (стр. 108) процитировать и созданный в Ватикане „афоризм“: „Христиане будут только тогда действительно счастливы, когда будут уничтожены проклятые греческие еретики и турки разрушат Константинополь“.²

Усиление внимания к роли народных масс отчетливо проявилось и в последней главе книги: „Византийская культура в период позднего феодализма“ (стр. 113—144). Народной культуре уделено здесь значительно больше места, чем в первой части, причем с особым вниманием останавливается автор на характеристике культуры византийских городов (стр. 115 сл., 137 и др.). Собранный автором материал был бы еще более выразительным, если бы ему удалось более четко нарисовать картину внутреннего кризиса феодальной культуры византийского общества этого времени.

В текст книги включена критика ряда тенденциозных утверждений буржуазных византинистов, например по вопросу об „историческом значении“ турецкого завоевания (стр. 111). Ссылки, как правило, даются лишь на источники и на работы советских историков. Взыскательнее, чем в первом издании, составлен список рекомендуемой литературы (стр. 145—147). Более точной стала терминология, хотя в отдельных случаях автор все еще несколько модернизирует отдельные исторические категории (см., например, его попытку найти „сельских пролетариев“ в византийской деревне XIII в.; стр. 46).

В целом эта книга, несмотря на наличие отмеченных недостатков и ряда частных неточностей,³ — убедительное свидетельство новых

¹ Ангелов, следовательно, не только показывает полную несостоятельность взглядов Тафрала и других буржуазных ученых, но и вносит существенную поправку в концепцию английского историка марксиста Р. Браунинга, не учитывающего особенностей обстановки середины XIV в. и связывавшего движение зилотов с движением димов в первые столетия нашей эры и даже с условиями первобытно-общинной формации (см.: Р. Браунинг. Комуна на зилотите в Солуни. Исторически преглед, год. VI, 1949—1950, кн. 4—5).

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 669.

³ См. указанную рецензию П. Петрова в „Исторически преглед“, правильно отмечающую целый ряд частных неточностей в книге Ангелова, но не показывающую места этой работы в общем развитии болгарского византиноведения.

Значительных успехов византиноведения в народнодемократической Болгарии.

Основные положения этой книги о роли народных масс в борьбе против турецкого завоевания еще более четко развернуты Д. Ангеловым в статье „Турското завоевание и борбата на балканските народи против нашествениците“.¹ Опубликованная в связи с 500-летием со дня падения Константинополя, эта статья охватывает историю борьбы всех стран Балканского полуострова против турок. Но русские источники и тут, к сожалению, не использованы автором.²

Идейно-теоретический рост отчетливо чувствуется и в новейших работах проф. Севолода Николаева, посвященных характеристике феодальных отношений в Македонии и во Фракии в XI—XII вв.: „Феодальни отношения в покорената от Византия България отрази в писмата на Теофилакт охридски, архиепископ Български“ (София, 1951) и „Бачковският манастир — институт специального предназначения в феодальной комниновской Византии“ (в „Изв. на института за българска история, 1951, 1—2, стр. 99—189).³ Первая из этих работ интересна также и тем, что проф. Николаев не ограничился в ней анализом лишь литературных источников. Разбирая вопрос о классовых отношениях и классовой борьбе в феодальной Византии, он довольно широко использовал ряд средневековых миниатюр (так называемой Венецианской псалтыри, менология Василия II Болгаробойцы и др.), а также и некоторые другие памятники византийского изобразительного искусства.⁴

По сравнению с его предыдущими работами (например „Славяно-българският фактор в христианизация на Киевска Русия“, София, 1949)⁵ и по сравнению с его выступлением на дискуссии о периодизации, в котором он начало феодализации объяснял главным образом внешними факторами,⁶ эти исследования В. Николаева проведены на значительно более высоком идейно-теоретическом уровне. Более четко, чем, скажем, в работе „Славяно-българският фактор в христианизация на Киевска Русия“, дана здесь характеристика политической роли византийской церкви. Очень удачно, в частности, вскрыты действительные цели организации Бачковского монастыря. В отличие от Ф. И. Успенского, В. Макушева, В. Златарского и других буржуазных историков, подчеркивавших обычно в византино-българских отношениях XI—XII вв. лишь национальный момент, В. Николаев пытается показать к л а с с о-

¹ Исторически преглед, год. IX, 1953, кн. 4, стр. 374—398.

² Из других новейших работ Д. Ангелова здесь следует упомянуть две: статью „Философские взгляды богомилов“ (Известия на инст. за бълг. ист., София, 1951, кн. 3—4, стр. 113—147) и курс лекций „История на Българската държава и право“ (София, 1951). Материалы и выводы первой из этих работ могут быть полезным коррективом к той части „Der Bogomilismus...“, которая ошибочно трактует соотношение византийских и болгарских „еретических“ движений средневековья. В источниковедческих разделах „Истории болгарского государства и права“ читатель найдет некоторые существенные дополнения и исправления к той характеристике византийских юридических памятников, которая дана в упоминавшемся выше исследовании Ангелова „Ролята на византийския император...“.

³ Тут же опубликована вторая статья В. Николаева „Судьба типика-устава, данного Григорием Бакуриан (Пакурианом) Петричко-Бачковскому монастырю, и его грузинской копии Софийской национальной библиотеки“ (стр. 266—296), являющаяся как бы частью источниковедческого введения к указанной выше работе.

⁴ В. Николаев. Феодальни отношения... стр. 12, 14, 15, 39, 91, 93 и др.

⁵ См. оценку этой работы в рецензии А. Ф. Вишняковой в т. V „Византийского временника“. (Рецензия перепечатана в „Исторически преглед“, год. IX, 1953, кн. 1).

⁶ Известия на Инст. за бълг. ист., 1951, кн. 1—2, стр. 366.

вы е основы византийской политики в захваченных византийцами болгарских землях.

Однако и в этих работах В. Николаев не избежал некоторых ошибок. Примером может служить данная автором характеристика основных противоречий византийского феодализма в XI—XII вв., в которой на первый план выдвинут не антагонизм между основными тогда классами, а борьба внутри господствующего класса, в частности борьба Комнинов „против провинциальных феодалов в пользу сильной централизованной монархии, подчиненной комниновским династическим интересам“.¹ Вызывает сомнение и отождествление антивизантийских восстаний болгарского народа в XI в. с такими чисто антифеодальными движениями, как, например, восстание в Англии под руководством Уота Тайлера.²

Из других новейших работ болгарских византинистов следует отметить интересную статью Геновевы Цанковой „Население Восточно-Римской империи и варвары в эпоху варварских нашествий“,³ в которой автор удачно использует произведения Ам. Марцеллина, Созомена, Зосимы, Иоанна Антиохийского, Малалы и Прокопия Кесарийского для конкретизации тезиса марксистской историографии о революционном характере перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Восточно-Римской (Византийской) империи.

Ростом принципиальности, требовательности характеризуются и новейшие рецензии на византиноведческие работы.⁴

Таким образом, все новейшие работы византинистов народнодемократической Болгарии убедительно свидетельствуют о крупных успехах этого раздела болгарской историографии. Болгарское византиноведение уверенно идет по пути творческого освоения марксистско-ленинской теории и методологии.

Вместе с тем, однако, эти же самые работы не менее убедительно свидетельствуют и о том, что характеристика основных недостатков в развитии болгарской науки, литературы и искусства, развернутая в докладе Вылко Червенкова VI съезду БКП (февраль 1954 г.), относится и к византиноведению.

Однако, несмотря на крупные успехи болгарского византиноведения, ряд важнейших вопросов византийской истории не получил еще должного отражения в опубликованных до сих пор византиноведческих работах. Мы имеем в виду такие вопросы, углубленная разработка которых настоятельно требует широкого привлечения археологического материала. Это вопрос о состоянии и развитии сельскохозяйственной и ремесленной техники в Византии, это вопрос о материальных условиях жизни различных классов византийского населения, особенно широких народных масс, вопрос о влиянии славян на византийское народное искусство и многие другие проблемы.

Разработка археологического материала несомненно откроет перед болгарскими византинистами широкие и, как показал опыт совме-

¹ В. Николаев, ук. соч., стр. 230.

² Там же, стр. 150.

³ Исторически преглед, год. VIII, 1951—1952, кн. 2, стр. 143—165.

⁴ Кроме уже упоминавшейся выше рецензии П. Петрова на вторую часть „Истории Византии“ Ангелова, укажем обстоятельную рецензию Кр. Миятева в т. XVIII „Известий на Българ. археол. инст.“ (1952, стр. 424—433) на византиноведческие, главным образом статьи вып. IV „Разкопок и проучвания“.

стной работы историков и археологов СССР, весьма многообещающие перспективы. Особенно теперь, когда сама археологическая наука в Болгарии успешно перестраивается на основе марксизма-ленинизма.¹

Широкая программа борьбы за дальнейший расцвет болгарской науки, литературы и искусства, намеченная VI съездом Болгарской Коммунистической партии, создает все необходимые условия и для полного устранения всех недостатков в развитии византиноведения в народнодемократической Болгарии.

Э. В. Удальцова

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИИ

(О книге Jack Lindsay „Byzantium into Europe“. London, 1952, 485 стр.)

В числе византиноведческих исследований, вышедших за последние годы на Западе, выделяется книга прогрессивного английского писателя Джека Линдсея „Влияние Византии на Европу“.

Линдсей — прогрессивный английский писатель, давно известный своими художественными произведениями и научно-популярными трудами в области главным образом литературоведения. В своих романах, посвященных событиям английской буржуазной революции XVII в., Линдсей воздаст должное революционно-демократическим традициям английского народа.

Рецензируемая книга по истории Византии является свидетельством того плодотворного воздействия, которое оказывает марксистско-ленинская методология на передовых деятелей буржуазной интеллигенции, работающих в области общественных наук.

В нашей печати отмечалась деятельность группы английских прогрессивных историков, в том числе и медиевистов, указывались их достижения и слабые стороны, имеющие место в их работах. До сих пор круг исследовательских проблем, которые изучались этими историками, ограничивался преимущественно историей стран Запада. Вопросами Византии специально занимался только один ученый-марксист — Роберт Браунинг: ему принадлежат статьи о восстании зилотов в Салониках в 1342 г. (опубликовано в болгарском „Историческом прегледe“ за 1950 г., № 6) и об антиохийском восстании 387 г. (опубликовано в „Journal of Roman Studies“ за 1952 г.). С появлением книги Линдсея в область исследования передовой английской историографии впервые вошла история Византии в целом.

Самый факт обращения прогрессивного писателя к византийской истории чрезвычайно отраден. Создание подлинной истории Византии, прежде всего истории ее настоящих творцов, создателей византийской культуры, — это весьма важная задача прогрессивной зарубежной медиевистики. С этой точки зрения книга Линдсея безусловно представляет определенный интерес.

Правда, эта книга является научно-популярным трудом, тем не менее она может быть расценена как первая, не только в английской, но и вообще в западноевропейской историографии, попытка освещения ви-

¹ Първа научна сесия на Археологическия институт. София, 1950; см. также сборники „Разкопки и проучвания“ (изд. Бълг. Акад. на науките — Народно археол. музей) и новые тома „Известия на Археол. инст.“.